

**ИНДИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)***

- Горочная
Василиса
Валерьевна** кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета (344022, Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: tunduk@hotmail.com
- Дружинин
Александр
Георгиевич** доктор географических наук, профессор, директор
Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета (344022, Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160); профессор-исследователь,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016,
Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14). E-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация

В статье проводится обзор основных концептуальных и методологических проблем определения экономической безопасности региона, возникающих в результате интенсификации геоэкономических процессов, усложнения и углубления территориального разделения труда, а также общего повышения рискогенности внешней и внутренней среды региональных образований. Авторами выдвигается концепция экономической безопасности как совокупности адаптивных свойств региональной экономики, определяющих её способность к поддержке стабильности осцилляторного механизма регионального воспроизводственного цикла и поступательного развития в условиях динамичной реальности с учётом нелинейных причинно-следственных взаимосвязей возникающих возможностей и угроз, а также неизбежных лаговых эффектов инерции институциональных структур. Акцентированы (на примере Ростовской области) адаптивные реакции и возможности экономики приграничного региона в условиях возрастающей геополитической турбулентности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, региональная экономика, приграничные регионы, геоэкономическая турбулентность, Западное побережье России.*

Введение. Для современной России экономика выступает основной «ахиллесовой пятой», а соответствующие проблемные ситуации и риски множатся на фоне пролонгированного отставания страны не только от глобальных лидеров, но и среднемировых темпов роста, усугубляемого устойчивыми внутренними межрегиональными диспропорциями. Имманентная Российской Федерации проблематика экономической безопасности (особым образом актуализированная начиная с 2014 г. в условиях возросшей турбулентности на рынках энергоносителей, неустойчивости валютных курсов и эскалации санкционного противостояния на фоне противостояния в системе «Россия-Запад») обретает, при этом, предельную остроту для приграничных территорий [1], включая, в первую очередь, регионы западного побережья России. Диамизм глобального геоэкономического и геополитического контекста, равно как и многофакторность, многомерность феномена «экономической безопасности» (в том числе и применительно к приграничному региону) – требуют его перманентной концептуализации и, на этой основе, селекции наиболее адекватных, корректных индикаторов.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Феномен экономической безопасности: подходы к концептуализации. Будучи одной из наиболее актуальных, проблема методик и систем показателей оценки «экономической безопасности» освещена в многочисленных исследованиях; при этом российскими исследователями неоднократно производилось модульное формирование системы индикаторов, классифицируемых по различным подкатегориям. Так, в работах Л. Абалкина [2] проводится типологизация угроз на производственные, рыночные, научно-технические (деиндустриализация), социальные (главным образом, рассматриваемые в русле рынка труда). Е. Олейником [3], предложена таксономия объектов экономической безопасности, а также классификация показателей в соответствии со значимостью угроз, длительностью их действия, характером воздействия на экономические процессы, а также величиной потенциального негативного эффекта. Классические методики В. Сенчагова [4] и С. Глазьева [5], позволили включить, наряду с собственно экономическими показателями, социальные, связанные с уровнем и качеством жизни населения. Они дают возможность учитывать не только текущее состояние объекта, но и его потенциал к развитию, эффективность использования ресурсов, нормы бюджета, рынка труда, инфляции. Сильной стороной данных методик можно считать учёт фактора включённости в международную экономику и глобальную конкуренцию.

Целый ряд разработок в сфере комплексных методов оценки экономической безопасности на уровне региона, а также интегральных индикаторов и обоснования их пороговых значений принадлежит уральской школе [6, 7, 8 и др.]. Современные методики из области теории игр, нейросистемного моделирования, эконометрии позволили существенно расширить инструментарий исследования и оценки экономической безопасности, будучи при этом, как правило, адаптированными к конкретной практике.

При всём разнообразии и, одновременно, преемственности сложившихся методик, нашедших своё применение, в ходе региональных исследований обнаруживается тесная взаимосвязь между принципами построения классификации, «архитектуры» модулей индикаторов, вектором восприятия и осмысления категории экономической безопасности и реалиями регионального и международного развития. В связи с этим за последние годы целый ряд работ посвящён обобщению и систематизации сложившихся подходах в данной области [9–12]. А. Татаркин и А. Куклин [13] проводят обзор эволюции самой парадигмы осмысления экономической безопасности за период последних 20-25 лет, выявляя её когнитивные модификации и исследовательский инструментарий на протяжении сменявших друг друга неклассического и постнеклассического мировоззрения в сторону всё большего «очеловечивания» (как в плане выстраивания системы индикаторов вокруг результирующих показателей развития человеческого капитала, так и в плане подчинения самого понятия экономической безопасности приоритетам и ценностям социокультурного развития).

Отметим, в этой связи, что традиционное включение в категорию экономической безопасности внутренней (связанной со сбалансированностью и пропорциональностью развития территориальной системы, соответствующих её целям и интересам) и внешней (определяемой возможностью инотерриториального воздействия на внутренний воспроизводственный процесс) компонент, не теряя своей актуальности, требует дополнения в современных условиях, равно как и логико-смысловые антитезы «опасность – безопасность», «угроза – защита». Утрата долгосрочных основ единовекторного функционирования социально-экономических систем в условиях интенсификации производственных, обменных, информационно-технологических процессов, перманентной неопределённости и риска позволяет говорить лишь об относительной стабильности воспроизводственного процесса, соответственно – об относительной экономической безопасности. Лаговые эффекты инерции институциональных структур, призванных обеспечивать экономическую безопасность через выстраивание защитных механизмов, затруднённая долгосрочного и среднесрочного прогнозирования, снижают эффективность самой модели «угроза – осознание угрозы – защита». Всё это позволяет осмыслить категорию экономической безопасности в первую очередь *в качестве комплекса адаптивных свойств, самоорганизационных и саморегулятивных механизмов, заложенных в региональной системе и обеспечивающих её своевременную (в том числе предикативную, основанную на ожиданиях) реакцию на любые внешние и внутренние изменения в той мере, которая достаточна для реализации её целей и интересов, поддержания преемственности и поступательности развития.*

Таким образом, экономическая безопасность (тракуемая как сумма внешне-ситуативной и внутренне-структурно-пропорциональной составляющих) в первую очередь предстаёт именно в качестве комплекса особых свойств поддержания гомеостаза и метаболизма системы в условиях постоянно меняющихся ситуативных факторов её существования, которые никогда не лишены угроз и рисков. Данное обстоятельство требует осмысления с точки зрения категориального аппарата и методологии синергетики и теории хаоса как сфер научного знания в области нелинейной динамики и самоорганизации сложных систем, в том числе в условиях затруднительного долгосрочного прогнозирования. В этой связи важным в методологическом отношении вопросом является наличие либо отсутствие угроз для экономической безопасности в случае достижения системой:

- точки топографического наложения, означающей переход системы в состояние динамического хаоса, от регулярного к нерегулярному аттрактору;
- точки бифуркации, предполагающей наличия более одного регулярного аттрактора в её фазовом портрете;
- точки смены аттрактора на нециклический.

Будучи по своей природе сложной динамической системой с нелинейным развитием, региональная экономика в силу многосоставности и полимасштабности осцилляторных процессов, составляющих в своей синергии региональное воспроизводство, имеет «странный» аттрактор (с многомерными фазовыми характеристиками) в своём естественном состоянии. Соответственно, детерминированная «хаотизация» системы не является угрозой для её безопасности. Наличие в фазовом портрете системы нескольких аттракторов, достижение точки бифуркации – также не во всех случаях означает подверженность опасности, данная ситуация может (и в большинстве случаев является) естественным следствием её развития, представляя собой ситуацию выбора, основанного на интересах и приоритетах региона.

В этой связи возникает сопутствующая проблема: выступает ли в роли опасности исключительно ситуация возможной или действительной утраты региональным образованием собственных позиций, составляющих интерес и приоритет, либо в категорию угрозы также должны быть включены риски упущенных дополнительных возможностей? В частности, в ситуации бифуркации при наличии в фазовом портрете двух и более аттракторов, среди которых одни характеризуют сохранение системой основных параметров, другие – возможность их дальнейшего парето-эффективного улучшения, представляет ли опасность выбор системой лишь сохранения позиций при наличии объективных возможностей их улучшения? Данная понятийно-методологическая проблема позволяет включить такой ракурс рассмотрения, как соотношение выгод системы при смене аттрактора – и сопряжённых с этим выбором рисков (как с точки зрения прямых рисков достижения приоритетов экономического развития, так и с точки зрения вторичных рисков за счёт структурных сдвигов, а также повышенных лаговых эффектов социокультурной и институциональной адаптации).

Таким образом, бифуркация не во всех случаях является ситуацией опасности. Угрозу для экономики региона она представляет в том случае, если аттрактором системы является её состояние, связанное с серьёзным нарушением регионального развития. Это означает, что *экономическая безопасность территориального образования является стационарным режимом детерминированно-хаотического функционирования социально-экономической системы, который характеризуется циклическим аттрактором осцилляторных процессов регионального воспроизводственного цикла, либо фазовым портретом, содержащим хотя бы один циклический аттрактор*. При этом измерениями фазового пространства служат наиболее приоритетные и жизненно важные для регионального социально-экономического развития параметры.

Индикаторы экономической безопасности региона. Полагаем, что индикаторы, характеризующие состояние экономической безопасности региона, являющиеся её измерителями, а также инструментами прогнозирования и диагностики экономической опасности, должны соответствовать следующим требованиям:

- отражать внутренние переменные, характеризующие состояние системы, а также внешние факторы, оказывающие на неё прямое и косвенное воздействие;
- отражать характер и величину влияния воздействующего фактора на воспроизводственный цикл;

- учитывать соотношение воздействия фактора и адаптивных возможностей саморегулятивной ответной реакции системы;
- учитывать величину лагового промежутка между началом действия фактора и адаптивной реакцией системы;
- пороговые и сигнальные значения показателей должны коррелировать с пороговыми значениями управляющих параметров, при которых происходит изменение фазового портрета системы, её переход в другой режим функционирования.

Все обозначенные выше принципы в приложении к конкретной региональной практике имеют территориальное измерение. И здесь вступают в силу те методологические проблемы, которые связаны с другой упомянутой составляющей современной социально-экономической реальности – её полимасштабностью, имеющей тенденцию к перманентному усложнению. Усиление глобальной конкуренции позволяет включить в категорию экономической безопасности компаративистский ракурс, связанный с «разностью потенциалов» между территориальными образованиями, которая создаёт, с одной стороны – естественное напряжение, с другой – возможность для эффективной реализации возможностей территориального распределения труда. Накладываемая на естественные социально-экономические процессы, система национальной и региональной территориальной организации придаёт дополнительные статусные, стратегические и прочие свойства территориальным образованиям. Соответственно, экономическая безопасность региона имеет «надрегиональное» измерение, так как жизнеспособность и устойчивость функционирования любого территориального образования является как фактором, так и следствием его метаболизма с окружающими (и в особенности – приоритетными для данного региона) территориями и включённости в глобальные процессы мировой конкуренции, технико-технологического обновления и социокультурного развития.

Полимасштабность многосторонне обусловленной экономической безопасности имеет значимость как в отношении национальной экономики в целом, так и в особенности в отношении порубежных регионов, включённых в систему территориального распределения труда, выступающих в качестве контактно-барьерной зоны, а также находящихся в пределах действия институциональных факторов различного порядка. В связи с этим механизмы обеспечения, а также сами критерии экономической безопасности различаются в зависимости от степени самодостаточности социально-экономической региональной системы. В свою очередь, она определяется:

- отраслевой структурой региональной экономики (в особенности – степенью преобладания ключевых отраслей, их количеством, развитием диверсификации регионального производства);
- статусом региона относительно системы центрo-периферийных взаимоотношений в рамках национальной экономики;
- статусом региона относительно приоритетных национальных стратегических интересов, заведомо способствующих преобладанию тех или иных функций региона и обслуживающих их хозяйственных отраслей;
- степенью и характером включённости региона в трансграничное взаимодействие (как относительно самого региона, так и в роли контактной единицы для всей национальной экономики) с близлежащими территориями;
- степенью и характером включённости в общенациональные и глобальные тренды и циклы.

Соответственно, экономическая безопасность региона (и в особенности приграничного, порубежного региона) имеет сразу несколько основных измерений: *структурное, статусно-позиционное, циклическое и конкурентное*, определяемые как количественными, так качественными индикаторами. Относительно *структурного измерения* она представляет собой, наряду с соответствием экономической структуры приоритетным целям и задачам регионального развития и достаточной степени диверсификации, также заложенную в системе способность к быстрой адаптации и перестраиванию, возникновению новых структурных единиц организационного и надорганизационного уровня (экономических кластеров, технопарков, центров инновационного развития, производственных объединений и пр.). При этом речь идёт как об отраслевой, так и о территориальной структуре региональной экономики (табл. 1).

Структурные первичные индикаторы оценки экономической безопасности региона

Структурное измерение экономической безопасности		Временной аспект	
		Статика	Динамика
Пространственный параметр	Внутри-региональное пространство	<ul style="list-style-type: none"> - показатели регионального производства (ВРП в отраслевой структуре, индексы роста); - степень концентрации регионального производства (доля профильных отраслей в ВРП); - интегральный показатель диверсификации регионального производства; - структура финансовых потоков; - инвестиции в ОС; - качественные параметры пространственной концентрации производства; - инфраструктурное развитие территории; - доли малого и крупного бизнеса в региональной экономике по отраслям, численность и оборот малых и крупных предприятий. 	
	Национальное пространство	<ul style="list-style-type: none"> - доля региона в общероссийских показателях ВВП, а также распределения добавленной стоимости по отраслям; - отношение регионального производства к среднероссийским показателям и показателям, средним по федеральному округу; - отношение показателей профильных отраслей региона и национального хозяйства; - показатели межрегиональной торговли; - распределение регионального и инорегионального производства по цепочке добавленной стоимости в профильном региональном продукте; - структура пропорция собственного и инорегионального капитала в экономике региона; - конкурентоспособность регионального продукта на национальном рынке (доля рынка, стабильность и диверсификация инорегиональных рынков сбыта). 	
	Глобальное пространство	<ul style="list-style-type: none"> - качественная оценка конкурентоспособности и количественная оценка доли профильной региональной продукции на мировом рынке; - отношение показателей регионального производства к аналогичным конкурирующим территориям (в том числе – приграничным, при наличии); - показатели международной торговли; - доля регионального и зарубежного участия в производстве итогового профильного регионального продукта, их распределение по звеньям формирования добавленной стоимости; - структура пропорция собственного и иностранного капитала в экономике региона; - конкурентоспособность регионального продукта на международном рынке (доля рынка, стабильность и диверсификация зарубежных рынков сбыта). 	

Статусно-позиционное измерение экономической безопасности тесно взаимосвязано со структурным. Оно заключается в необходимости соотнесения всех обозначенных выше параметров с внеэкономическими (институциональными, геополитическими, административными, экологическими и пр.) факторами, определяющими соответствующий статус региона. Так, показатели отраслевой концентрации производства будут иметь более высокие значения без ущерба для экономической безопасности регионов, в которых монопрофильность является естественным следствием действия таких факторов (в частности, при довлеющей роли ВПК для территориальных образований, представляющий геополитический стратегический интерес).

Циклическое измерение экономической безопасности включает в себя не только стабильность внутрирегионального воспроизводственного цикла, но также степень включённости во внешние циклы и способность оперативно реагировать на зарождающиеся и распространяющиеся во внешней среде импульсы, служащие отправной точкой для возникновения новых циклов (в особенности это относится к циклам технико-технологического обновления) (табл. 2).

Таблица 2

Циклические первичные индикаторы оценки экономической безопасности региона

Циклическое измерение экономической безопасности		Пространственный аспект		
		Региональные циклы	Национальные циклы	Глобальные циклы
Циклы по направлениям	Производственные циклы	- показатели динамики воспроизводства ВРП; - качественные особенности воспроизводственного цикла профильных отраслей; - показатели физического износа ОС.	- показатели характера и степени включённости в циклы национального рынка;	- распределение импортируемых товаров и услуг по ступеням добавленной стоимости в производственном цикле; - показатели включённости в циклы глобального рынка.
	Финансовые циклы	- показатели регионального бюджета; - динамика инвестиций в ОС; - динамика задолженности гос. и корпоративного сектора.	- включённость в систему межбюджетных трансфертов; - включённость в национальные (отраслевые и метарегиональные) финансовые циклы.	- включённость в глобальные финансовые циклы.
	Технико-технологические циклы	- показатели циклическости обновления ОС в отраслевом и территориальном срезе; - показатели регионального производства, экспорта и импорта технологий; - показатели взаимодействия бизнеса и науки на региональном уровне.	- показатели включённости в национальные циклы технико-технологического обновления; - межрегиональный экспорт и импорт технологий и высокотехнологичной продукции.	- экспорт и импорт технологий; - экспорт и импорт высокотехнологичной продукции; - распределение импортируемых технологий и высокотехнологичной продукции по ступеням добавленной стоимости в итоговом региональном продукте; - показатели включённости в глобальные циклы технико-технологического обновления;
	Кадровые циклы	- показатели развития и динамики ЧР в регионе.	- динамика трудовой миграции и кадрового обмена (в том числе высококвалифицированными кадрами); - включённость в национальные циклы развития человеческого капитала и повышения качества жизни	- динамика международной трудовой миграции и кадрового обмена (в том числе высококвалифицированными кадрами); - включённость в глобальные циклы развития человеческого капитала и повышения качества жизни.

Аналогично тесной взаимосвязи статусного и структурного измерений экономической безопасности, её конкурентное измерение непосредственно взаимосвязано с циклическим. В современном мире территориальное образование, продолжая своё существование даже без очевидных рисков нарушения воспроизводственного цикла, имеет потенциальную экономическую опасность в том случае, если региональное развитие не сориентировано на ритмику процессов технико-технологического обновления, жизненные циклы отдельных отраслей и рынков в мировой экономике. Воспроизведение текущего уклада не учитывает наличия действующих и потенциальных конкурентов в виде других территориальных образований аналогичного профиля.

Таким образом, если структурное и циклическое измерение экономической безопасности даёт первичные данные, позволяющие осуществить диагностику состояния региона, то статусное и конкурентное измерения – позволяют приблизительно установить и скорректировать пороговые значения показателей, исходя из институциональных факторных условий, а также национальной и мировой рыночной конъюнктуры и уровня развития человеческого капитала, стандартов уровня и качества жизни, а также трендов технико-технологического развития. В условиях недостаточности имеющихся статистических данных и количественных показателей – сопоставление основных показателей региональной структуры и циклической динамики воспроизводственного процесса со статусным и конкурентным измерениями позволяет произвести качественную оценку и прогнозирование состояния экономической безопасности.

Экономическая безопасность Ростовской области: актуальные тренды. Применяя выделенные измерения экономической безопасности к экономике Ростовской области, можно отметить наличие существенной специфики данного региона, входящего в число порубежной контактно-барьерной зоны на оси «Россия – Запад». Не обладая особым позиционным геополитическим и геоэкономическим статусом (по сравнению с Республикой Крым и регионом-эксклавом – Калининградской области) Ростовская область входит в число регионов, оказавшихся в видоизменившейся геостратегической ситуации, проецирующейся и на экономическую сферу [14]. При этом, регион не входит в число субъектов первоочередного внимания федерального центра, и экономические потери в условиях геополитической турбулентности не покрываются напрямую за счёт средств федерального бюджета. Одновременно регион утрачивает свои позиции на оси центрo-периферийных отношений. По сравнению с приграничными г. Санкт-Петербургом и Ленинградской областью он не обладает статусом одного из «столичных» узлов притяжения финансовых, кадровых, информационных и административных ресурсов, а роль административного центра федерального округа постепенно ослабевает (перенос ряда управленческих структур в г. Краснодар, также претендующий на ключевую роль столицы Юга России); усиливается периферизация. Тем самым статусные позиции региона не накладывают какого-либо существенного отпечатка на сложившуюся отраслевую и территориальную пропорцию развития Ростовской области, обретающую свои естественные очертания в большей мере в результате действия разнонаправленных векторов экономической самоорганизации.

Структурные локализационные и отраслевые пропорции экономики Ростовской области, заданные естественными природными условиями и исторически сложившейся профильностью аграрно-промышленного региона с центральной ролью г. Ростова-на-Дону в качестве крупного селитебного и транспортно-логистического узла, представляют собой сбалансированную систему, способную обеспечить экономически стабильное развитие территории. При этом представляет интерес её модификация в условиях геополитических вызовов и повышенных рисков: профильность региона может как усиливаться, так и ослабевать при изменении условий экспортной деятельности и необходимости импортозамещения. Как показывает анализ региональной статистики, сельскохозяйственная составляющая экономики Ростовской области, снизившаяся в период 2011–2013 гг. с 11,8% до 10,6% от совокупной добавленной стоимости, в изменившихся внешних условиях начала активно возрастать и к началу 2016 г. достигла 13,6%, причём, наиболее активный рост пришёлся на 2015 г. Нестабильная динамика доли обрабатывающих производств, в том числе профильных отраслей машиностроения и лёгкой промышленности, прослеживается как до, так и после введения экономических санкций. При этом обращают на себя внимание два взаимосвязанных

факта. Первый из них заключается в том, что пропорции профильных отраслей региона в целом повторяют общероссийский контур тех же отраслей, развиваясь синхронно национальной экономике, однако в период после 2014 г. их темпы роста в регионе усилились значительно существеннее, нежели в общей пропорции (особенно в отношении сельского хозяйства). Второй факт состоит в том, что нестабильная динамика и общее снижение доли рассматриваемых отраслей как на региональном, так и на общенациональном уровне, начались в период с 2011 г., см. рис. 1.

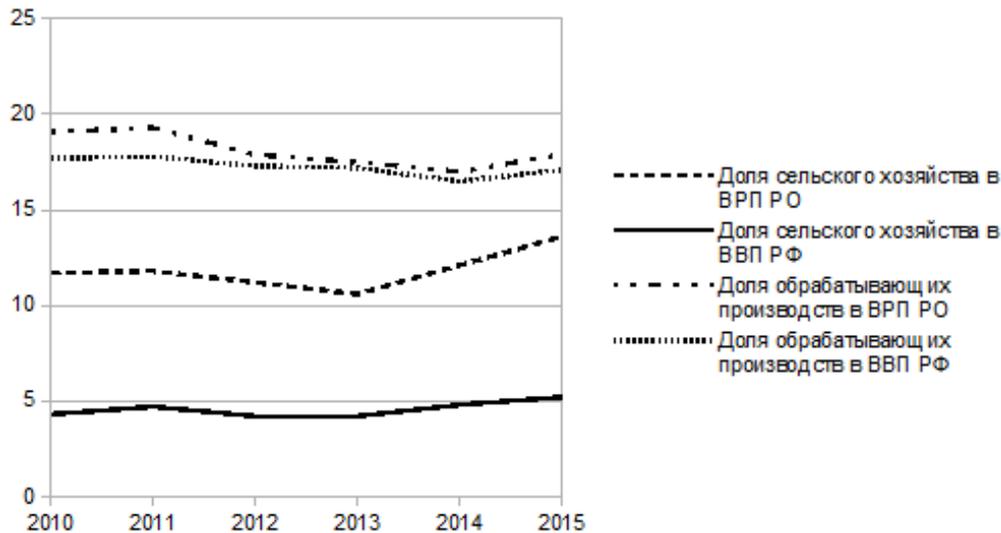

Рис. 1. Динамика доли сельского хозяйства и обрабатывающих производств в ВВП Ростовской области и ВВП РФ¹

Такое снижение является показателем внутреннего структурного кризиса экономики РФ, начавшегося ещё до усложнения геополитической обстановки. Непропорциональное по отношению к общенациональному тренду увеличение доли рассматриваемых отраслей в экономике Ростовской области, в свою очередь, является индикатором усиления профильности региона как реакции на изменения внешнеэкономических условий, а также косвенно – на негативные последствия санкций, отразившиеся в национальных масштабах. Данный структурный индикатор, можно считать положительным в отношении экономической безопасности региона в кратко- и среднесрочном периоде.

В долгосрочной же перспективе усиление профильности и смещение пропорций создают определённую угрозу для развития отраслевой диверсификации. Тем не менее, следует учитывать, что непропорциональный рост базовых отраслей происходил как за счёт экстенсивного развития экспортноориентированных видов продукции (увеличения посевных площадей зерновых, отчасти – технических культур), так и за счёт их внутренней диверсификации (развития биотехнологий, позволивших нарастить цепочку добавленной стоимости в сельскохозяйственной сфере; разработка новых видов продукции наукоёмкого машиностроения, конверсия военных технологий в гражданскую сферу и пр.).

Для более детальной диагностики состояния региональной экономической системы перейдём от структурного к циклическому измерению экономической безопасности, проследив её на основе характера, направления и величины реакции региональной организационной массы, инвестиционной и инновационной деятельности предприятий, а также соответствующего лагового эффекта. Отмеченный на структурном уровне рост сельскохозяйственного производства происходил при неуклонном сокращении числа предприятий, начавшегося ещё до внешнеэкономических осложнений (за период с 2010 до 2014 гг. произошло сокращение с 5,26 тыс. предприятий до 3,69 тыс., в 2016 г. данный показатель

¹ Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронный ресурс. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

составил 3,2 тыс.¹). Данная тенденция, синхронная общероссийскому тренду, отражает общее направление ужесточения конкурентной среды, «сжатия и уплотнения» рыночного пространства с выбыванием неэффективных участников и упрочением позиций крупных предприятий. В регионе данная тенденция отмечена выраженным кластерогенным вектором².

В большей мере показательна динамика инвестиций в основные фонды: с одной стороны, она испытывала существенный спад в период 2012–2013 гг. синхронно общероссийскому тренду, с другой – обнаружила непропорционально высокий (практически двукратный) рост в 2015 г. и спад в 2016 г.³; мультипликативный эффект такой «инвестиционной инъекции» запустил процессы активного роста сельскохозяйственной сферы в пропорции экономики региона, что позволило снизить темпы инвестирования в последующем 2016 г. Схожая картина (но с большей асинхронностью по отношению к общенациональному тренду) обнаруживает динамика инвестиций в основные средства в сфере обрабатывающих производств. На этом фоне более разнообразной по сравнению со сферой сельского хозяйства оказывается картина развития организационной массы, обнаруживающая выраженную циклическую динамику. После общего резкого «сжатия» в 2012 г. она приняла асинхронный характер по отношению к общероссийскому: рост на протяжении 2013–2015 гг. с последующим новым «сжатием» в 2016 г.⁴ Это свидетельствует о циклических фазах организационного оформления диверсификационных тенденций: повышении разнообразия, образовании новых предприятий, призванных осуществить импортозамещение и заменить выпадающие звенья производственной цепи, с последующим уплотнением рынка, конкурентной селекцией, образованием кластеров и групп компаний в ряде секторов (в частности, в сфере наукоёмкого машиностроения, станкостроения, сопутствующих отраслях).

Сопоставляя показатели циклической и ациклической динамики с конкурентным измерением экономической безопасности, обратим внимание на синхронно начавшийся рост внешнеторгового оборота, пришедшийся на 2015–2016 гг. Структура экспорта, в целом, повторяет контуры общих структурных сдвигов: в 2016 г. (по отношению к 2015) в структуре экспорта возросла доля сельскохозяйственной продукции (с 16,3 до 19,1%), текстиля и обуви (с 2,4 до 7,6%), продукции машиностроения (с 0,8 до 2,3%), а также продукции химического комплекса (с 0,6 до 1,2%), при этом структура импорта, в целом, сохранила свои очертания без существенных изменений [16]. Общий рост 2016 г. произошёл после спада 2014–2015 гг., соответственно, стал результатом (с лаговым промежутком в 1,5–2 года) активной самоорганизационной инициативы предприятий, их инвестиционной деятельности, поиска новых внешних контактов.

При нестабильной динамике экспорта транспортных услуг в период геоэкономической турбулентности обращает на себя внимание устойчивый рост в сфере морских грузоперевозок (на 18,1% в 2015 и на 20,8% в 2016 г.) Отчасти это обусловлено сменой режима эксплуатации украинских портов, однако данная тенденция, в целом, является продолжением общей картины усиления профильности региона.

Наряду с усилением профильности важна и другая тенденция: уменьшение сырьевой составляющей экспорта. Ещё по данным на 2010 г. Ростовская область занимала 9 место среди регионов РФ по не только объёму экспорта, но также по объёмам несырьевого экспорта и 6 место по объёмам энергетического несырьевого экспорта⁵. Экспортная доля полезных ископаемых, энергоносителей, а также металлов и продуктов их первичной переработки, при этом, существенно снизилась [16]. В структуре экспорта упрочило свои позиции машиностроение (в том числе наукоёмкое): рост на 6,1% в направлении стран дальнего зарубежья и на 18,5% в страны СНГ.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронный ресурс. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Внешнее сотрудничество Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. [Электронный ресурс] URL: <http://www.donland.ru/economy/Ves/?pageid=76521>.

Заключение. На основе рассмотренных параметров и механизмов достижения стабильности развития приграничного региона очевидно, что специфика воздействия внешних факторов в условиях сложной нелинейной динамики турбулентных геоэкономических процессов требует многостороннего подхода к оценке его экономической безопасности. Наряду с уже сформированными подходами, построенными по принципу выборочных индикаторов и их пороговых значений, необходим пересмотр самих базовых категорий безопасности и системы её обеспечения с учётом самоорганизационной природы вырабатываемого регионом «иммунитета» по отношению к негативным внешним факторам и индуцируемым ими внутренним проблемам. Пример Ростовской области как приграничного региона, вырабатывающего экономическую стратегию в усложнившихся внешних условиях, показывает, что с лаговым промежутком в 1-3 года происходит не только адаптация, но и мобилизация внутренних ресурсов роста, дающая вторичный мультипликативный эффект. Таким образом, в условиях отсутствия кардинальных угроз для опорных отраслей региона происходит усиление его профильности, в том числе, за счёт максимального использования конкурентных преимуществ. Несмотря на то, что данный эффект частично скрадывается за общенациональными негативными проявлениями кризисных явлений, связанных со снижением покупательной способности, уровня и качества жизни населения, упрочение собственно региональных экономических позиций, поиск диверсификационных и интеграционных возможностей развития производства имеет перспективы, а также служит маркером наличия внутрорегиональных резистентных механизмов, способных поддерживать его экономическую безопасность.

Литература

1. Дружинин А.Г., Дун Явень. «Один пояс – один путь»: возможности для регионов западного порубежья России // Балтийский регион. 2018 (10). № 2. С. 39-55.
2. Абалкин Л. Экономическая безопасность России. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. №12. С. 4–13.
3. Основы экономической безопасности. Государство, регион, предприятие, личность / Под ред. Е. А. Олейникова. М., 1997. 288 с.
4. Сенчагов В. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. №8. С. 64-79.
5. Глазьев С. За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М., 1996.
6. Качество жизни и экономическая безопасность России. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 1184 с.
7. Прогнозирование социально-экономического развития региона. Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, 2011. 1104 с.
8. Социально-экономические риски. Диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 1200 с.
9. Рябова Т.Ф., Игнатова Т.В. Современные механизмы обеспечения национальной экономической безопасности на основе формирования рыночной конъюнктуры // Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 24–28.
10. Сенчагов В.К., Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности регионов: система индикаторов // Инновации. 2011. № 5 (151). С. 56–61.
11. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1995. № 3. С. 3–9.
12. Кротов М.И., Мунтиян В.И. Экономическая безопасность России: Системный подход. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. 336 с.
13. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.
14. Дружинин А.Г. Ростовская область: «прифронтовой регион»? // Россия – 2016. Ежегодный доклад. Франко-российский аналитический центр «Обсерво». Париж, 2016. С. 397-406.
15. Горочная В.В. Самоорганизация кластерных структур как инструмент модернизации экономики Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 5. С. 81–86.

16. Мониторинг внешнеэкономической деятельности Ростовской области (январь – сентябрь 2016 года). ГАУ РО «Региональный информационно-аналитический центр». Ростов-на-Дону, 2017. 78 с.

Gorochnya Vasilisa Valerievna, Research Fellow, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University (160, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: tunduk@hotmail.com

Druzhinin Alexander Georgievich, Director of the North Caucasus Institute for Economic and Social Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation); Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (14, st. A. Nevsky, Kaliningrad, 236016, Russian Federation). E-mail: alexdru9@mail.ru

INDICATION OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE BORDER REGION IN TERMS OF GEO-ECONOMIC TURBULENCE (ON THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION)

Abstract

The article provides an overview of the main conceptual and methodological problems of determining an economic security of the region arising from the intensification of geo-economic processes, the complexity and deepening of the territorial division of labor and the overall increase in the risk of external and internal environment of regional entities. The authors propose the concept of economic security to be a set of adaptive properties of a regional economy, determining its ability to maintain the stability of the oscillatory mechanism within the regional reproductive cycle and progressive development in the conditions of dynamic reality. This approach takes into account the nonlinear causal relationships between emerging opportunities and threats, as well as the inevitable lag effects that takes place because of institutional structures' inertia.

Keywords: economic security, regional economy, border regions, geo-economic turbulence, Western borderline of Russia.

References

1. Druzhinin A.G., Dun YAven'. «Oдин poяс – oдин put'»: vozmozhnosti dlya regionov zapadnogo porubezh'ya Rossii // Baltijskij region. 2018 (10). № 2. P. 39-55.
2. Abalkin L. EHkonomicheskaya bezopasnost' Rossii. Ugrozy i ih otrazhenie // Voprosy ehkonomiki. 1994. №12. P. 4–13.
3. Osnovy ehkonomicheskoy bezopasnosti. Gosudarstvo, region, predpriyatie, lichnost' / Pod red. E. A. Olejnikova. M., 1997. 288 p.
4. Senchagov V. EHkonomicheskaya bezopasnost' kak osnova obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii // Voprosy ehkonomiki. 2001. №8. P. 64-79.
5. Glaz'ev S. Za kriticheskoy chertoj. O koncepcii makroehkonomicheskoy politiki v svete obespecheniya ehkonomicheskoy bezopasnosti strany. M., 1996.
6. Kachestvo zhizni i ehkonomicheskaya bezopasnost' Rossii. – Ekaterinburg: Institut ehkonomiki UrO RAN, 2009. 1184 p.
7. Prognozirovaniye social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona. Ekaterinburg, Institut ehkonomiki UrO RAN, 2011. 1104 p.
8. Social'no-ehkonomicheskie riski. Diagnostika prichin i prognoznye scenariy nejtralizacii. – Ekaterinburg: Institut ehkonomiki UrO RAN, 2010. 1200 p.
9. Ryabova T.F., Ignatova T.V. Sovremennyye mekhanizmy obespecheniya nacional'noj ehkonomicheskoy bezopasnosti na osnove formirovaniya rynochnoj kon'yunktury // Pishchevaya promyshlennost'. 2016. № 5. P. 24–28.
10. Senchagov V.K., Maksimov YU.M., Mityakov S.N., Mityakova O.I. Innovacionnyye preobrazovaniya kak imperativ ehkonomicheskoy bezopasnosti regionov: sistema indikatorov // Innovacii. 2011. № 5 (151). P. 56–61.
11. Tambovcev V.L. EHkonomicheskaya bezopasnost' hozyajstvennyh sistem: struktura, problemy // Vestnik MGU. Ser. 6. EHkonomika. 1995. № 3. P. 3–9.
12. Krotov M.I., Muntiyani V.I. EHkonomicheskaya bezopasnost' Rossii: Sistemnyj podhod. – SPb.: Izd-vo NPK «ROST», 2016. 336 p.
13. Tatarkin A.I., Kuklin A.A. Izmeneniye paradigmy issledovaniy ehkonomicheskoy bezopasnosti regiona // EHkonomika regiona. 2012. № 2. P. 25–39.
14. Druzhinin A.G. Rostovskaya oblast': «prifrontovoj region»? // Rossiya – 2016. Ezhegodnyj doklad. Franko-rossijskij analiticheskij centr «Observo». Parizh, 2016. P. 397-406.
15. Gorochnaya V.V. Samoorganizatsiya klasternykh struktur kak instrument modernizatsii ehkonomiki Rostovskoj oblasti // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennyye nauki. 2013. № 5. P. 81–86.
16. Monitoring vneshneehkonomicheskoy deyatelnosti Rostovskoj oblasti (yanvar' – sentyabr' 2016 goda). GAU RO «Regional'nyj informacionno-analiticheskij centr». Rostov-na-Donu, 2017. 78 p.